

А. Э. Белько

*старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности
Могилевского института МВД (Беларусь)*

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Обеспечение мира, защита конституционного строя, реализация принципа социальной справедливости, создание действенных механизмов для поступательного развития экономики — это все является важнейшими приоритетами белорусского государства.

Проблема борьбы с коррупцией стала в последние годы одной из наиболее актуальных, резко возрос интерес к ней как в обществе, так и на страницах научных изданий. Ее основной угрозой является подрыв принципов государственного управления, равенство граждан перед законами и принципа социальной справедливости. В средствах массовой информации это явление справедливо рассматривается как серьезный барьер на пути развития здорового общества, социальное зло, требующее своевременного вмешательства.

Формирование и совершенствование системы антикоррупционного законодательства носит целостный и комплексный характер. Разработка мер по противодействию коррупции в целях устранения ее коренных причин и реализация таких мер в контексте обеспечения развития страны в целом становятся настоятельной необходимостью. Разработка и принятие государством антикоррупционных нормативно-правовых актов и программ не должны стать самоцелью в борьбе с этим явлением.

Одним из приоритетных направлений борьбы с коррупцией, признаваемым на международном уровне, является установление уголовной ответственности юридических лиц. Так, в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию указано следующее:

«1. Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных преступлений, заключающихся в активном подкупе, использовании служебного положения в корыстных целях и отмывании денег, квалифицированных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в

интересах любого физического лица, действующего в своем личном качестве или в составе органа юридического лица, которое занимает ведущую должность в юридическом лице, путем:

- выполнения представительных функций от имени юридического лица;
- осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;
- осуществления контрольных функций в рамках юридического лица, а также за участие такого физического лица в вышеупомянутых преступлениях в качестве соучастника или подстрекателя.

2. Помимо случаев, уже предусмотренных п. 1, каждая Сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического лица, упомянутого в п. 1, в интересах этого юридического лица физическим лицом, осуществляющим свои полномочия от его имени.

3. Ответственность юридического лица в соответствии с п. 1 и 2 не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших, подстрекавших к совершению или участвовавших в уголовных преступлениях, упомянутых в п. 1» [1, ст. 18].

Аналогичные по сути рекомендации формулирует и Конвенция ООН против коррупции, предлагая государствам — участникам принять меры для установления ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений, которая не обязательно должна быть уголовной [2, ст. 26].

Новеллой действующего Республики Беларусь Закона «О борьбе с коррупцией» является расширение понятия коррупции, закрепленного в абзаце 2 ст. 1, за счет включения в него совершения названных в законе коррупционных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного.

Приверженцы имплементации норм международного законодательства в указанном вопросе считают, что юридические лица должны быть отнесены к числу субъектов коррупционных преступлений и привлекаться к уголовной ответственности за предоставление благ и преимуществ должностным лицам [3; 4, с. 37].

Отдельные ученые заостряют внимание на том, что «признание юридического лица субъектом преступления не соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности» [5].

По мнению других, сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновностью и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно, поскольку вины в традиционном уголовно-правовом смысле у юридических лиц нет, поэтому к ответственности за совершенные преступные деяния привлекают физических лиц [6, с. 9].

Оппоненты имплементации идеи уголовной ответственности юридических лиц в национальное уголовное законодательство полагают, что для выполнения рекомендаций конвенций будет достаточным совмещение в отношении юридических лиц нескольких видов ответственности либо закрепление в КоАП административной ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений [3, с. 23; 7, с. 35].

Высказывая собственные соображения по данному вопросу, следует отметить, что юридическое лицо в качестве субъекта правоотношений существует лишь в связи с социально-экономической необходимостью участия в экономическом обороте наряду с физическими лицами. Само понятие «юридическое лицо» фиктивно, т. е. не имеет конкретного материального облика и существует благодаря законодательной регламентации. Оно не может совершить какого-либо деяния (в том числе и преступного) наподобие личности, абстрагированной от коллектива, составляющей которого она является. Поэтому деяние юридического лица вполне обоснованно можно назвать фикцией.

В соответствии с теорией уголовного права вина — это выражение психического отношения лица к совершенному им уголовно наказуемому общественно опасному действию или бездействию, а также к его последствиям. Вина представлена в форме умысла или в форме неосторожности. По сути в самом обобщенном порядке вина выражается в совокупности определенных психических процессов, происходящих в центральной нервной системе человека. В то же время юридическое лицо, не обладая ни телом, ни разумом, вряд ли может быть признано субъектом преступления.

Не может быть юридическое лицо и субъектом уголовной ответственности. В теории уголовного права уголовная ответственность воспринимается единообразно — как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть государственное порицание, выражающееся в негативной оценке судом самого лица и его деяния, а также понести соответствующее наказание. При этом обязанность претерпеть наказание не может быть переложена на третье лицо. Отсюда следует вывод о том, что уголовная ответственность и наказание в отечественном законодательстве сориентированы на лицо, совершившее преступление, в то время как юридиче-

ское лицо не может быть признано субъектом преступления. Да и гипотетически уголовное наказание в отношении юридического лица вряд ли достигнет какой-либо цели, определяемой уголовным законодательством.

Итак, по нашему мнению, в признании юридического лица в качестве субъекта преступления, уголовной ответственности или наказания отсутствует какой-либо теоретический и практический смысл. Действующий принцип личной виновной ответственности обязывает отталкиваться законодателя и правоприменителя именно от физического лица как субъекта преступления, несмотря на то, что по делам о коррупционных преступлениях это, как правило, служащий юридического лица.

Проведя исследование направлений совершенствования антикоррупционного уголовного законодательства об ответственности должностных лиц и иных лиц субъектов хозяйствования, а также практики его применения представляется целесообразным сформулировать выводы следующего содержания:

1. Понятие «юридическое лицо» фиктивно, т. е. не имеет конкретного материального обличия и существует благодаря законодательной регламентации. Поэтому деяние юридического лица вполне обоснованно можно назвать фикцией, а в признании юридического лица в качестве субъекта преступления, уголовной ответственности или наказания отсутствует какой-либо теоретический и практический смысл.

2. Следуя международно-правовым предписаниям о криминализации самого предложения или обещания неправомерного преимущества публичному должностному лицу за совершение или несовершение им по службе определенного деяния, а равно самого факта принятия публичным должностным лицом таких предложений или обещаний, необходимо в рамках национальной уголовно-правовой системы криминализировать подкуп в качестве способа склонения должностного лица к совершению определенных действий или воздержанию от их совершения вопреки интересам службы в качестве самостоятельного преступления.

3. Положение ст. 25 Закона об обеспечении физическому лицу права на предоставление информации противоречит содержанию ст. 204 УК. В этой связи предлагаем привести нормы Закона в соответствие с УК, а в уголовном законе в свою очередь регламентировать категорию «своевременность» как социально-экономический фактор. Помимо этого предлагаем дополнить перечень коррупционных преступлений ч. 2, ч. 3 ст. 433 УК.

Список основных источников

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018. [Вернуться к статье](#)
2. Астанин, В. В. Нормы антикоррупционных конвенций и устои национальных правовых систем в характеристиках соотношения и взаимоучета / В. В. Астанин // Юрид. мир. — 2009. — № 3. — С. 21–25. [Вернуться к статье](#)
3. Антонова, Е. Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления [Электронный ресурс] / Е. Ю. Антонова // Безопасность бизнеса. — 2009. — № 2. — Режим доступа: <http://shop.pc-forums.ru/m2294.html>. — Дата доступа: 11.11.2018. [Вернуться к статье](#)
4. Белоцерковский, С. Д. Борьба с организованной преступностью: к вопросу об установлении уголовной ответственности юридических лиц / С. Д. Белоцерковский // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2010. — № 1(15). — С. 37–40. [Вернуться к статье](#)
5. Цирин, А. М. Имплементация положений международных антикоррупционных конвенций: итоги и перспективы / А. М. Цирин // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство : сб. материалов в 2 ч. ; А. В. Кудашкин [и др.] ; под ред. О. С. Капинус, А. В. Кудашкина. — М. : Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. — 2011. — Ч. 1. — С. 82–86. [Вернуться к статье](#)
6. Нарышкин, С. Е. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // Журнал рос. права. — 2011. — № 9. — С. 9–12. [Вернуться к статье](#)
7. Ноздрачев, А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах / А. Ф. Ноздрачев // Следователь. — 2008. — № 8. — С. 35–39. [Вернуться к статье](#)